

История нумизматических находок на Шри-Ланке продолжена каталогом китайских монет, представленным Ф. Тьерри – «Китайские монеты из Яфува в коллекции музея Анурадхапур» (с. 191–197). И его же статьей «Морские шелковые пути и клады китайских монет» (с. 199–223). Автор рассматривает торговые пути, связывавшие в древности Китай и Шри-Ланку, а также клады китайских монет, найденные на острове, самые ранние из которых относятся ко времени правления династии Тан: их типы, датировка, отличия от других иностранных монет, в частности от японских и вьетнамских.

Анализ иноземных монет, происходящих с острова, продолжен статьей Венеции Портер «Исламские монеты, найденные на Шри-Ланке» (с. 225–240). Автор не претендует на исчерпывающий анализ проблемы, указывая, что число монет «...в настоящее время слишком незначительно и места их находок слишком случайны, чтобы составить представление об объеме торговли. Можно надеяться, что будущие находки монет исламского периода расширят наши познания в этой сфере» (с. 233).

Последние две статьи посвящены нумизматическим связям Шри-Ланки с Европой. В публикации Бэрри Кука «Ранние европейские монеты для Шри-Ланки» (с. 241–254) представлен очерк первых европейских монетных выпусков для острова. Рецензируемый том завершается статьей Виржинии Хьюитт «Валюта для колонии: цейлонские бумажные деньги, напечатанные в Англии» (с. 255–272).

М. Д. Бухарин

© 2003 г.

J. NELIS-CLÉMENT. *Les beneficiarii: militaires et administrateurs au service de l'Empire* (I^{er} s. a.C.–VI^e s. p.C.). Bordeaux, 2000 (Ausonius-publications. (tudes 5). 557 p., ill.

Изучение отдельных ранговых групп рядового и командного состава, системы чинов, структуры и типов военных карьер уже давно является одним из магистральных направлений в историографии римской императорской армии. Военную иерархию интенсивно исследуют в самых разнообразных ее аспектах и в контексте многих смежных тем, относящихся к социальной и политической истории Рима¹. Огромный поток специальной литературы, включающий ряд солидных монографических трудов², показывает, насколько далеко – с точки зрения исследовательских подходов – шагнула вперед современная наука со времени выхода основополагающего труда Альфреда фон Домашевского³. Неослабевающий интерес к данной теме

¹ Из работ недавнего времени можно указать следующие: La hiérarchie (Rangordnung) de l'armée romaine sous le Haut-Empire. Actes du Congrès de Lyon (15–18 septembre 1994) / Ed. Y. Le Bohec. P., 1995; *Wesch-Klein G. Soziale Aspekte des römischen Heeres in der Kaiserzeit.* Stuttgart, 1998; *Kaiser, Heer und Gesellschaft in der römischen Kaiserzeit: Gedenkschrift für Eric Birley / Hrsg. von G. Alföldy, B. Dobson, W. Eck.* Stuttgart, 2000 (раздел II «Die einzelnen Ranggruppen des Heeres und ihre soziale Beziehungen»). Обзоры важнейшей проблематики и библиографические указания см. *Dobson B. The «Rangordnung» of the Roman Army // Actes du VII^e Congrès Intern. d'Épigraphie grecque et latine (Constanza, 1977).* Bucures – Paris, 1979. P. 191–204; *idem. The Bibliography of Rangordnung // La hiérarchie (Rangordnung)...* P. 41–47; *Le Bohec Y. Pour servir à l'étude de la hiérarchie dans l'armée romaine du Haut-Empire // Ibid.* P. 11–15.

² См., например: *Clauss M. Untersuchungen zu den principales des römischen Heeres von Augustus bis Diokletian. Cornicularii, speculatores, frumentarii.* Diss. Bochum, 1973; *Dobson B. Die Primipilares. Entwicklung und Bedeutung, Laufbahnen und Persönlichkeiten eines römischen Offiziersranges.* Köln – Bonn, 1978. Весомый вклад в изучение Rangordnung'a принадлежит таким специалистам, как E. Birley, H. Devijver, D. Breeze, M.P. Speidel. Важнейшие их работы разных лет изданы в виде отдельных сборников в серии «Mavors. Roman Army researches»: *Birley E. The Roman Army: Papers 1929–1986.* Amsterdam, 1988 (Mavors. IV); *Devijver H. The Equestrian Officers of the Roman Imperial Army.* I. Amsterdam, 1989 (Mavors. VI); *idem. The Equestrian Officers of the Roman Army.* II. Stuttgart, 1992 (Mavors. IX); *Breeze D., Dobson B. Roman Officers and Frontiers.* Stuttgart, 1993 (Mavors. X); *Speidel M.P. Roman Army Studies.* I. Amsterdam, 1984 (Mavors. I); *idem. Roman Army Studies.* II. Stuttgart, 1992 (Mavors. VIII).

³ *Domaszewski A. von. Die Rangordnung des römischen Heeres.* Bonn, 1908. Труд этот переиздавался дважды: в 1968 и 1981 гг. Особенно ценно последнее издание: *idem. Die Rangordnung des römischen Heeres / Einführung, Berichtigungen und Nachträge von B. Dobson.* 3. unveränderte Aufl. Köln – Wien, 1981.

объясняется, прежде всего, обширностью самого объекта исследования: не секрет, что военная организация Римской империи не знает себе равных в истории древности и средневековья как с точки зрения дифференциации различных военных чинов, так и с точки зрения богатства того литературного и документального материала, который несет информацию о номенклатуре и функциях низших чинов и офицеров, о положении военных в обществе, их роли в государственном аппарате. Без изучения Rangordnung'a ясное понимание функционирования военных и административных структур римского государства невозможно. Очевидно и то, что армейская иерархия, по крайней мере в период Ранней империи, реально отражала социальную и сословно-правовую стратификацию римского общества, а продвижение по ступеням военной карьеры было одним из каналов вертикальной социальной мобильности⁴. Нельзя также не учитывать, что военный чин в немалой степени обуславливал характер социальных связей военных с гражданским населением, социокультурный и ментально-идеологический облик самих военнослужащих.

Все эти моменты делают интересным и актуальным обращение к такому разряду римских солдат, как бенефициарии, которые по характеру своей службы и выполняемым задачам занимали особое положение в армии, властных структурах и обществе императорского Рима. Повышенное внимание исследователей к бенефициариям в последние годы стимулировалось рядом значительных археологических и эпиграфических открытий. Среди них первостепенное значение имеют находки 1982 г. в Германии, возле Остербуркена и 1988 г. в сербском городе Сремска Митровица (античный Sirmium). Особый интерес к бенефициариям нашел свое конкретное воплощение в издании в 1990 г. под руководством Э. Шалльмайера (чье имя связано с открытиями в Остербуркене) «Корпуса греческих и латинских надписей бенефициариев», в проведении в рамках того же проекта и в том же году специального коллоквиума⁵, в публикациях вновь открытых надписей, а также в появлении ряда статей и диссертаций, в частности, недавно вышедшей в виде монографии работы И. Отта⁶. Однако эти работы отнюдь не исчерпывают ни всех имеющихся на настоящий момент документальных свидетельств, ни всех возможных аспектов темы. Книга И. Отта не учитывает, в частности, интереснейших материалов из Сирмия, которые не вошли в «Корпус», а также исследований, представленных на упомянутом коллоквиуме и появившихся в начале 1990-х годов, и ограничивается изучением функций и места бенефициариев в армейской иерархии, не затрагивая их социальных и идеологических характеристик.

Восполнить данные пробелы, опираясь на максимально полный учет всех имеющихся свидетельств, дать целостное, разностороннее исследование этой своеобразной категории младших командиров, показать их не в качестве «винтиков» военно-государственного механизма, но как полнокровных персонажей социально-исторической действительности – таков главный замысел рецензируемой книги, принадлежащей перу французской исследовательницы Жослин Нели-Клеман. В его реализации автор опирается на обширнейшее досье эпиграфических и папирусных документов, которое было подготовлено ею еще в ходе работы над диссертацией, оставшейся неопубликованной⁷, и впоследствии скрупулезно пополнялось и систематизировалось. Это досье насчитывает около 1460 свидетельств и существенно дополняет документацию «Корпуса» не только материалами папирусов, но и теми надписями, которые по тем или иным причинам не были в него включены. Примечательно, что по сравнению с концом XIX в. число надписей бенефициариев почти утроилось (с. 16).

⁴ Alföldy G. Das Heer in der Sozialstruktur des römischen Kaiserreich // Kaiser, Heer und Gesellschaft... S. 34 ff.; Wesch-Klein. Op. cit. S. 13 ff.; Dahlheim W. Die Armee eines Weltreiches. Der römische Soldat und seine Verhältnis zu Staat und Gesellschaft // Klio. 1992. 74. S. 200 f.

⁵ Der römische Weihebezirk von Osterburken. I. Corpus der griechischen und lateinischen Benefiziarier-Inschriften / Hrsg. von E. Schallmayer u. a. Stuttgart, 1990 (CBI I); Der römische Weihebezirk von Osterburken. II. Kolloquium 1990 und paläobotanische-osteologische Untersuchungen. Stuttgart, 1994 (CBI II).

⁶ Ott J. Die Beneficiarii. Untersuchungen zu ihrer Stellung innerhalb der Rangordnung des römischen Heeres und zu ihrer Funktion. Stuttgart, 1995. Диссертация Б. Панкова осталась неопубликованной: Rankov B. The beneficiarii consularis in the Western Provinces of the Roman Empire. Diss. Oxf., 1986. Материалы из Сирмия опубликованы М. Миркович: Mircovic M. Beneficiarii consularis and the New Outpost in Sirmium // Roman Frontier Studies 1989. Proceedings of the XV Intern. Congress of Roman Frontier Studies / Ed. V.A. Maxfield, M.J. Dobson. Exeter, 1991; eadem. Beneficiarii consularis in Sirmium // Chiron. 1994. 24. P. 345–404.

⁷ Nelis-Clément J. Les beneficiarii de l'armée romaine. Corpus épigraphique et papyrologique. Prosopographie. Recherches sur leur rôle dans l'organisation militaire et administrative de l'empire romain. Diss. Fribourg, 1990.

Все эти свидетельства, тщательнейшим образом обработанные, представлены в полезных приложениях, которые занимают без малого 2/5 всего объема книги⁸. Текст книги прекрасно дополняется картами (с. 511–526), высококачественными фотографиями и прорисовками почти 60 памятников (с. 529–557). Большим подспорьем для заинтересованного читателя являются практически исчерпывающая библиография, включающая и русскоязычные работы⁹, и подробные индексы (именной, предметно-понятийный и указатель цитируемых источников).

Уже из одного перечисления названий семи глав, на которые делится книга, с достаточной ясностью видно, какие новые проблемы поднимает Нели-Клеман. Первые две главы – «*Les sources et leur apports respectifs*» и «*Les bénéficiaires: Essai de définition*» – носят по преимуществу вводный характер, ориентируя читателя в источниковедческой и терминологической проблематике. Глава III посвящена аналитическому изложению конкретных материалов, характеризующих различные категории бенефициариев и их карьеры, а IV – типологии, хронологии, географическому размещению и организации тех военных постов (*stationes*), где они несли свою службу. Проблемным центром и, несомненно, наиболее интересной частью монографии являются заключительные три главы: V, где трактуется столь многосторонняя тема, как функции бенефициариев; VI, названная «Корпоративный дух у бенефициариев», и VII, в которой рассматривается их положение в обществе. В каждой главе исключительно ценный фактический материал излагается очень удобно и наглядно благодаря членению на параграфы и небольшие подразделы. Основной части книги предпослано небольшое введение, в котором освещена степень изученности темы, а завершает ее эпилог, где речь идет об эволюции и постепенном исчезновении бенефициариев в позднеантичный период.

Цель I главы (с. 10–57), посвященной анализу источников, – рассмотреть огромный разнородный массив данных как целостный комплекс информации с учетом конкретной географической, хронологической, жанровой, лингвистической специфики каждого вида источников. Основное внимание, естественно, уделено эпиграфике, на которую, по оценке автора (с. 22, прим. 8), приходится более 9/10 всех свидетельств (свыше 1160 надписей, по которым известно около 1370 бенефициариев), тогда как на папирусы – 6.3%, а на литературные тексты (от писателей позднереспубликанского времени до христианских авторов и Кодекса Юстиниана) – всего 1.4%. Более половины (56%) эпиграфических документов составляют votivные надписи, наиболее значимые как для локализации бенефициарных постов, так и для выяснения идеологических ориентаций бенефициариев. Характеризуя этот блок свидетельств, автор достаточно подробно останавливается на проблемах религиозно-культовой практики бенефициариев. Преобладание среди адресатов посвящений официальных божеств римского пантеона, прежде всего Юпитера Всеблагого Величайшего¹⁰, неудивительно, как и большое количество памятников, относящихся к культу императора. Примечательна большая популярность среди бенефициариев культа различных *Genii loci* и иных местных божеств, в противоположность восточным культам. По мнению Нели-Клеман, подобный выбор божеств указывает на ту посредническую роль, которую бенефициарии принимали на себя в отношениях между римскими властями и провинциальным населением (с. 38). Не менее репрезентативны и прочие типы эпиграфических текстов (эпитафии, *latercula*, почетные надписи). Что касается папирусов, то они дают незаменимые сведения о конкретных функциях бенефициариев, ибо почти 2/3 из 85 документов имеют официальный характер. Именно на этих данных в основном раскрывается тема V главы. Очень существенно, что более половины папирусов относятся к IV в., когда упоминания бенефициариев практически исчезают из надписей. В целом же, по заключению автора, документальные источники, в противоположность литературным, в

⁸ Эти 15 приложений представляют, по сути, целое самостоятельное исследование. Первое и наиболее важное из них (Аппехе 1.1–3, с. 341–395) включает: список из почти 200 надписей, в том числе еще не изданных, которые дополняют «Корпус»; надписи из «Корпуса» неопределенного содержания и те, которые, по мнению автора, не относятся к бенефициариям; комментарии, дополнения и исправления к текстам «Корпуса». Во втором приложении приводится список папирусов и острака с упоминанием бенефициариев. Остальные приложения в основном посвящены классификации и систематизации памятников по разным критериям: характеру и назначению надписей, числу дедикантов, наличию датировок, упоминанию *stationes*, указаниям имен и титулов начальников и т. д.

⁹ Из них автором не учтена, пожалуй, только содержательная статья: *Смышляев А.Л.* Об эволюции канцелярского персонала Римской империи в III в. н.э. // ВДИ. 1979. № 3. С. 60–81.

¹⁰ *Iovi Optimo Maximo* – одному или в компании с другими божествами – посвящено более половины votivных надписей, а в Остербуркене и Сирмии соответственно 87.5 и 95.8%.

особенности христианским текстам, очерняющим репутацию бенефициариев, показывают, что эти военнотруженики пользовались определенным авторитетом и занимали заметное положение в местном обществе (с. 57).

В главе II (с. 59–85), состоящей из трех параграфов («Beneficiarii в эпоху Республики»; «Beneficiarii эпохи Империи в литературных источниках»; «Титулатура и положение beneficiarii»), раскрывается история и содержание самого термина beneficiarius. Тщательно учитывая всевозможные смысловые нюансы, исторический и жанровый контексты употребления термина в разных по характеру литературных источниках (от сочинений Цезаря до раввинских комментариев II в. н.э. и *Scriptores Historiae Augustae*), автор отмечает недостаточность этих свидетельств для решения вопроса о времени появления и специфике этого чина. В большинстве нарративных текстов слово beneficiarius используется в общем значении, связанном с понятием beneficium («милость», «благодетельство»), а не в качестве terminus technicus, как в документальных источниках. Надписи же с упоминанием бенефициариев появляются не раньше правления Клавдия, и лишь один папирусный фрагмент, датируемый I в. до н.э.¹¹, позволяет высказать осторожное предположение, что уже в позднереспубликанскую эпоху слово beneficiarius употреблялось для обозначения определенной должности (с. 61). Чтобы прояснить ее характер, исследовательница обращается к анализу эпиграфических формул, использовавшихся самими бенефициариями. Здесь прежде всего примечательно очень частое, особенно в votivных надписях, указание на ранг и имя того начальника (трибуна, префекта, консулярского легата и т.д.), в чьем оффиции и непосредственном подчинении проходил службу данный бенефициарий. Подобная практика (в том числе и обозначение командира как патрона, подчеркивающее персональные связи подчиненных с начальником) характерна и для других военных канцеляристов, но у бенефициариев она отличается большим постоянством: соответствующие формулы встречаются в 9/10 всех надписей. Нели-Клеман резонно связывает этот факт с тем, что бенефициарии были заняты на службе у очень большого числа различных высших военных начальников и при выполнении своих функций действовали как их прямые представители (с. 78). Не менее характерно указание в надписях бенефициариев на принадлежность к канцелярии (officium) соответствующего начальника. Вместе с тем, учитывая, что не известно ни одного бенефициария, который перешел бы на другой пост или в другую провинцию в связи с карьерным ростом своего командующего, вполне правомерно выдвигать на первый план связь бенефициария не с конкретной персоной, а с оффицием. По словам автора, звание бенефициария, даже если и сохраняло представление о личных узлах между командующими и подчиненным, при своем техническом использовании утрачивало коннотации с договором между двумя сторонами в рамках beneficium (с. 81). Еще одним элементом титулатуры бенефициариев в эпиграфических документах является упоминание той воинской части (легиона, преторианской или городской когорты, подразделения вспомогательных войск и др.), в составе которой числился бенефициарий, даже если его служба проходила далеко от места ее дислокации, нередко в другой провинции.

Главу III (с. 86–131), посвященную рассмотрению различных типов бенефициариев, структуры и перспектив их карьер, открывает параграф, в котором приведены обобщенные данные о возрасте и сроках службы бенефициариев. По наблюдениям автора, в большинстве случаев бенефициарии независимо от рода войск достигали этого чина в течение 10 лет службы и оставались в нем вплоть до выхода в отставку. Их продвижение по службе чаще всего мало зависело от количества проведенных на ней лет (с. 89). Наиболее перспективной с точки зрения карьерного роста была служба в officium префекта претория, создававшая отличный трамплин для достижения примпилата и даже всаднических постов. Но прежде чем стать бенефициарием преторианского префекта, солдату обычно требовалось немало лет прослужить на различных должностях в центурии и при трибуне, набираясь военного и административного опыта, так что наиболее амбициозным бенефициариям до времени Траяна приходилось оставаться на сверхсрочную службу в качестве evocati (с. 94). Примеры преторианских бенефициариев, выдвинувшихся во всадническое сословие, не настолько многочисленны, чтобы можно было говорить об этом как об обычной перспективе (с. 100). Некоторые бенефициарии преторианских префектов несли службу за пределами Рима. По осторожному предположению Нели-Клеман, направляя преторианцев в сенатские провинции, император и коман-

¹¹ Это папирус P.Qasr. 1211 из местечка Qasr Ibrim (древний Primis), расположенного в районе второго нильского порога. Отсутствие термина в надписях республиканского времени объясняется скорее всего тем, что распространение эпиграфической практики в солдатской среде вообще приходится на более поздний период.

дующий гвардией получали возможность контролировать проконсулов и вмешиваться в их деятельность (с. 106).

Лучше всего известны карьеры бенефициариев легионов, в которых они составляли значительную часть *principales* и большинство служащих в *officia* военных командиров и наместников. Свидетельства же о бенефициариях в составе *equites singulares Augusti*, вспомогательных войск и флота слишком скудны, чтобы на их основе можно было высказать столь же определенные суждения, как о легионных бенефициариях. Говоря о последних, исследовательница останавливается на организации оффициа наместников императорских провинций, карьере бенефициариев в рамках соответствующей канцелярии и их перспективах получить командную должность и попасть в сословие всадников. Нели-Клеман констатирует, что состав оффициа наместника варьировался в зависимости от статуса и военного значения той или иной провинции, причем проконсульские провинции стояли особняком. Эпиграфические тексты, хотя и не позволяют с точностью установить конкретные функции различных *officiales*, в то же время ясно указывают на увеличение, особенно со II в., их специализации и разнообразия решаемых ими задач. Должность бенефициария независимо от того, к оффицию какого начальника он принадлежал, отнюдь не сулила дальнейшего карьерного роста по четко определенному пути как в рамках одной канцелярии, так и при переводе с повышением в распоряжение более высокопоставленного командира. Лишь очень немногим бенефициариям провинциальных частей благодаря личным заслугам, протекции и наличию вакансий удавалось получить командную должность (с. 125–126). Примеры же бенефициариев, ставших кандидатами на всаднические должности (*equestris militiae petitores*) или занявших соответствующий пост, относятся к III в. и скорее представляют исключения, подтверждающие общее правило.

В IV главе (с. 133–210), рассматривая посты (*stationes*), на которых проходила служба большинства бенефициариев, Нели-Клеман не ограничивается только характеристикой типов и географического размещения «станций» в различных частях империи и хронологией их функционирования. Сопоставляя эпиграфические данные с археологическим контекстом, она стремится также выяснить сакральное и функциональное значение находившихся на них святилищ, организацию и порядок службы, а также касается некоторых социальных аспектов жизни на этих военных постах. Отправным пунктом в освещении этих вопросов служит детальный анализ находок из Остербуркена и Сирмия, позволяющий выделить две модели «станций» бенефициариев. К первой относятся посты, располагавшиеся на лимесе, почти всегда рядом с военными фортами (*castella*) или легионными лагерями, а ко второй – *stationes*, размещенные в глубине провинций, в окрестностях городов, на пересечении важных транспортных путей. Как показывает систематический обзор материалов из пограничных провинций, все эти посты были связаны между собой в настоящую сеть и располагались главным образом вдоль оси сухопутных и речных коммуникаций или в тех чувствительных с экономической и политической точек зрения зонах, которые наместник провинции должен был усиленно контролировать. Обобщенная сводка данных, снабженная указаниями на важнейшие находки и дополненная картами, является основой для определения функций бенефициариев в следующей главе, и сама по себе очень полезна для дальнейших изысканий по военно-административной истории провинций. Разбирает Нели-Клеман и значение самого термина *statio*, указывая, что он мог обозначать как место размещения гарнизона, сторожевые и наблюдательные посты при лагере или форте, так и дорожные станции, места смены лошадей, пункты сбора пошлин и т.д. В связи же с бенефициариями словом *statio* обозначались и откомандирование на военный пост, и продолжительность этой командировки, и собственно «станция» как комплекс построек, включавший одно или несколько зданий и святилище (с. 179). Судя по документальным источникам, первые «станции» бенефициариев появились при Траяне или в начале правления Адриана. Наличие святилища делало «станцию» особым сакральным и функциональным пространством. Сами святилища служили не только для почитания богов и императора, но и для различных практических целей, связанных с выполняемыми бенефициариями задачами (в частности, для хранения местных архивов и опечатанных вкладов, официальных документов, прошений, отчетов и прочих бумаг, обеспечивавших передачу информации). Этот вывод автор аргументирует ссылками как на традиционную римскую практику, так и на конкретные папирусные документы (с. 201–202).

Организация службы на «станциях», состав их команд, присутствие дополнительного персонала и солдатских семей – все эти аспекты варьировались от провинции к провинции и не оставались неизменными в разные периоды времени. Судя по материалам из Верхней Германии, ротация бенефициариев на постах происходила каждые полгода, а в сложных ситуациях могла быть более частой, но при этом опытный солдат оставался на посту на более длитель-

ный срок. Во многих провинциях засвидетельствована практика одновременного размещения на «станции» двух бенефициариев, что, по мнению автора, обеспечивало возможность их перемещений между столицей и различными районами провинции при сохранении непрерывности деятельности на самом посту (с. 204). Такая организация службы не только способствовала быстрому и регулярному информированию наместника, но и укрепляла контакты и дух сотрудничества между его *officiales*, находившимися в столице, и теми, кто нес службу на *statio*. Вполне обоснованно звучит вывод о том, что ограниченная продолжительность пребывания в одном месте и одновременное присутствие (в целях взаимного контроля) двух бенефициариев на посту в определенной степени снижали возможности коррупции и незаконных поборов с их стороны. В целом же система службы легко адаптировалась к особенностям времени и места, обеспечивая непрерывность и преемственность в работе провинциальной администрации несмотря на периодическую смену наместников (с. 204). Бенефициарии не были изолированы и одиноки на своих «станциях». Ясно, что они пользовались помощью нескольких солдат (в частности, в надписях упоминаются некие *exceptores*), имели регулярные контакты с центурионами и другими командирами из соседних лагерей или фортов. В некоторых случаях бенефициарии могли иметь поблизости или непосредственно на «станции» свою семью.

В V главе (с. 211–268) рассмотрен широкий круг вопросов, относящихся к должностным функциям и компетенциям бенефициариев. Как указывает автор, исключительное разнообразие и важность их обязанностей обусловлены, в первую очередь, их относительной многочисленностью по сравнению с другими *officiales* и особой близостью их отношений с начальником, которому они должны были помогать во всех делах, находившихся в сфере его ответственности, – от управления воинскими частями до судопроизводства, от финансовых вопросов до контроля над городскими общинами. Благодаря гибкой организации и мобильности бенефициарии могли действовать относительно независимо и представляли в зонах военной оккупации, в городах, перед лицом местных властей и населением то должностное лицо или военного командующего, в чьем подчинении они находились. В связи с исследованием функций бенефициариев автор касается ряда источниковедческих проблем. Дело в том, что наиболее подробную информацию об их конкретной деятельности дают египетские папирусы, причем половина из них относится ко времени после реформ Диоклетиана и Константина, когда бенефициарии превратились в гражданских чиновников. Естественно возникает вопрос: насколько приложена картина, реконструируемая на основе египетских материалов, к другим провинциям и к более ранним периодам? Нели-Клеман в целом считает возможным использовать свидетельства из Египта для выяснения характера деятельности бенефициариев в других регионах в период Ранней империи, аргументируя такой подход тем, что Египет не был отдельным миром, совершенно отличным от других областей державы, а провинциальные особенности частично затушевывались относительным единообразием использовавшихся военных структур (с. 216).

Исследовательница выделяет три группы функций, подчеркивая, что в реальности между ними могло и не быть четкого разграничения. В первую очередь, это функции военные, связанные с управлением войсками, в частности с передачей информации между различными военными начальниками, гарнизонами и частями, со снабжением и ведением документации. Сопровождая своего начальника бенефициарии могли участвовать в военных экспедициях или находится в составе отдельных сводных формирований (*vexillationes*), подчас с риском для жизни¹². К полицейским функциям, составляющим вторую группу, автор относит поддержание общественного порядка, преследование всевозможных его нарушителей, в том числе христиан, передачу петиций, подготовку разного рода докладов, разбор мелких тяжб и т.п. Контрольные функции бенефициариев касались финансовых и хозяйственных вопросов. Не исключено, что бенефициарии участвовали в процессе набора новобранцев и переписях населения. Подробно разбирая источники, проливающие свет на названные функции, Нели-Клеман затрагивает по ходу изложения несколько интересных сюжетов: бенефициарии и христиане; объем и характер их судебной власти, их взаимодействие с центурионами и декурионами в административно-правовой сфере. В своем анализе автор не упускает из виду изменений, имевших место в период Поздней империи. Выводы и предположения формулируются предельно осторожно; некоторые вопросы исследовательница оставляет открытыми ввиду отсутствия документального подтверждения тех или иных гипотез. Разбор ряда папирусов позволяет заключить, что бенефициарии в сфере поддержания общественного порядка и

¹² Правда, надписи дают только одно свидетельство о гибели бенефициария на поле боя (с. 219).

обеспечения судопроизводства брали на себя часть тех обязанностей, которые обычно возлагались на центурионов и других командиров, тесно сотрудничали с ними, а поскольку, как солдаты, они получали гораздо меньшее жалование, их использование было выгодно для бюджета провинциальных армий (с. 234).

Вполне вероятно, что в сельских или слабо урбанизированных районах, где бенефициарии часто были единственными представителями римской власти, они обладали – скорее *de facto*, чем официально – определенной юрисдикцией в незначительных делах, самостоятельно разбирая некоторые тяжбы (возможно, в качестве *iudices delegati* или *dati*) (с. 235–237). Некоторые источники, главным образом литературные, в которых подчеркивается алчность римской провинциальной администрации, позволяют говорить об определенном участии бенефициариев в сборе налогов, но нет никаких веских аргументов в пользу того, что эта задача прямо входила в их компетенцию (с. 244). По мнению автора, не находит убедительного подтверждения и гипотеза о взаимном контроле бенефициариев наместников и бенефициариев (и других *officiales*), находившихся на службе прокураторов. Равным образом, считает Нели-Клеман, нельзя говорить и о прямом участии бенефициариев в работе таможенных постов: очевидно, они находились здесь лишь в целях поддержания общего порядка и информирования своего начальства (с. 256). Доверие со стороны наместников и военачальников, определенный авторитет у гражданского населения и местных властей, способность действовать автономно, компетентность и административный опыт, приобретенные не только в штабах и канцеляриях, но и в различных районах провинции, – все это делало бенефициариев в высшей степени пригодными также для наблюдения за работой рудников и других производств, работавших на нужды армии, для контроля за поставками в войска, за всевозможными строительными работами, выполнявшимися воинскими частями или на казенные средства. Соответствующие свидетельства из разных районов империи собраны и тщательно проанализированы в заключительных параграфах V главы.

В VI главе (с. 269–288), посвященной корпоративным связям бенефициариев, рассматриваются прежде всего те объединения и сообщества (*scholae, collegia*), в которые они входили вместе с другими младшими командирами и специалистами. Не повторяя известных характеристик правового статуса и социо-культурных функций воинских коллегий, Нели-Клеман обращает внимание главным образом на интерпретацию конкретных свидетельств из разных регионов империи, а также поднимает ряд вопросов общего порядка: время возникновения воинских коллегий, их характер, религиозно-идеологические и символические проявления профессионально-корпоративного духа. Автор отмечает, что несмотря на свою относительно изолированность от коллег по канцелярии и сослуживцев по воинской части, бенефициарии различными способами и по разным поводам подчеркивали свою принадлежность к соответствующей коллегии. Их корпоративный дух проявлялся в коллективных посвящениях. Выбор культов и формы выражения религиозного чувства подчеркивают единство бенефициариев, пусть и разбросанных по провинции, но работающих на общую цель (с. 269). Нели-Клеман разделяет мнение ряда исследователей о появлении коллегий, объединявших *principales*, еще при Адриане (с. 274, прим. 25). Примерно к этому же времени относится и эпиграфическое свидетельство из Остии, в котором исследовательница усматривает первое проявление корпоративного духа (*un esprit associatif*) у бенефициариев. Это – надпись (CBI I. 859) в честь некоего *Cn. Sentius Felix*: будучи гражданским лицом и патроном многих корпораций ремесленников, торговцев и даже ветеранов, он именуется также и *patronus... beneficiarior(um) proc(uratoris) Aug(usti)*.

В отдельном параграфе рассматривается вопрос о копьях (*hasta*) бенефициариев, имевших своеобразный наконечник удлинненной формы с двумя круглыми глазками, размещенными в его средней части. Такие копья были прежде всего знаками должностного статуса бенефициариев, подобно аналогичным символам других солдат, служивших на административно-канцелярских постах (*frumentarii, speculatores, immunes* и, может быть, *protectores* из отряда конных телохранителей императора). Возможно, копья с такими же наконечниками у *фрументариев* или спекуляторов были знаком их принадлежности к одному официю или коллегии (с. 286). Как подчеркивает Нели-Клеман, копье бенефициария подобно военным знаменам и штандартам было в то же время и предметом религиозно-символического характера, указывающим на могущество Рима, его богов и власти, на *auctoritas* наместника, от имени которого действовали его *officiales*. Как показывает находка *in situ* из Остербуржена, копье могло с помощью специального наконечника на конце древка втыкаться в землю на сакральном пространстве святилища. Таким образом, по своему значению *hasta* отличалась не только от жезлов (*vitis*) центурионов, но и тех палок (*fustis*), которые изображались, иногда вместе с ларцом для свит-

ков, в качестве символов власти на памятниках бенефициариев и других военнослужащих (с. 287–288). Завершая данную главу автор подчеркивает, что изучение культур бенефициариев имеет огромное значение для понимания истинной природы и механизмов деятельности этого разряда солдат, их разнообразных отношений с другими членами офицера наместника, их восприятия религиозных традиций провинциального населения, их роли в качестве проводников римского влияния (с. 288).

Заключительная VII глава «Бенефициарии в обществе» (с. 289–331) охватывает широкий круг вопросов, относящихся к активно изучаемым в последнее время темам, и читается с особым интересом. Нели-Клеман подробно характеризует семейные отношения бенефициариев и ту особую военную среду (*milieu militaire*), с которой они были связаны происхождением, родственными и социальными узами, освещает участие бенефициариев в муниципальной жизни, их экономическое положение, уровень образования и социальный имидж. Не утверждая, что бенефициарии представляли собой особую группу, совершенно гомогенную в социальном плане, она считает тем не менее возможным выделить определенные черты, выделявшие этих военнослужащих, которые, в отличие от солдат строевых частей, часто жили в близком контакте с гражданским населением, за пределами лагеря. Тщательный количественный анализ данных эпиграфики и сопоставление его результатов с показателями, характеризующими семейные отношения гражданских и военных лиц в западных провинциях, позволяют убедительно аргументировать вывод, что поведение бенефициариев в сфере семейных отношений ближе к моделям, характерным для гражданского населения, а не для остальных военнослужащих (с. 289–298). Очень любопытны и отдельные заключения, к которым Нели-Клеман приходит по ходу своего анализа. Интересно, к примеру, что все датированные по консулам вотивные надписи, в которых бенефициарии указывают своих жен или других членов семьи, относятся к концу II – началу III в., т.е. ко времени Септимия Севера, официально признавшего солдатские браки. Примечательно, что в таких «семейных» посвящениях предпочтение отдается не официальным или военным божествам, а тем, которые больше отвечали индивидуальному выбору или почитались в данной местности (с. 290–291). Брачные отношения засвидетельствованы в 28% эпитафий бенефициариев, указания же на семейные связи (в широком смысле) среди солдат, умерших в период службы, встречаются в 70% случаев, а среди ветеранов – в 83%. Причем в общей массе свидетельств о семейных отношениях 88% относятся к нуклеарной семье, что сопоставимо со средними цифрами среди гражданского населения и значительно выше, чем у военных в целом (с. 291–292 с таблицей). Довольно часто в надписях бенефициариев упоминаются их дети, родители, сестры и братья. Последние фигурируют примерно в каждой десятой надписи и, что примечательно, в половине всех случаев также по профессии являются военными (с. 294, прим. 31). Отцы и другие родственники также нередко имеют прямое отношение к военной службе, причем иногда родственные связи обнаруживаются в рядах одного и того же офицера (с. 295). С точки зрения брачных связей среди бенефициариев особняком стоят те, кто служил в рядах *equites singulares Augusti*, в надписях которых не упоминаются ни жены, ни сожительницы, ни дети, а указания на семью в широком смысле крайне редки. Этим солдатам, набравшимся в рейнско-дунайских провинциях для службы в Риме при особе императора, семью заменяли боевые товарищи (с. 297). Что касается термина *patronus* – им некоторые бенефициарии определяли в почетных надписях своего начальника или членов его семьи, то такое наименование, по мнению Нели-Клеман, указывает не на отношения патроната-клиенты в собственном смысле, а на стремление бенефициариев и других *officiales* выразить личную благодарность своему командующему за протекцию (*beneficium*) и выставить на показ свои доверительные связи с ним, сулившие неоспоримый социальный престиж (с. 297). По заключению автора, своеобразное поведение бенефициариев в сфере семейных отношений объясняется особенностями их служебного статуса и функций: «По самой природе своей деятельности эти солдаты, прежде всего те, кто использовался на службе наместника или прокуратора в низших эшелонах провинциальной администрации, в отличие от остальных солдат оказывались в тесном ежедневном контакте с гражданским населением» (с. 298). Некоторые из бенефициариев даже находили возможность сочетать видное положение в родном городе с хорошо оплачиваемой военной службой, которая проходила в пределах провинции, а иногда и в родных местах и существенно увеличивала *dignitas* благодаря прямому личному контакту с наместником и другими властями. Служба открывала, таким образом, путь на более высокую социальную ступень для самих бенефициариев или их потомков.

Свидетельства о родственных связях бенефициариев позволяют сделать вывод о существовании особой военной среды, в которой армейская служба была семейной традицией. Несмотря

ря на отсутствие прямых документальных подтверждений вполне возможно, что эта традиция сохранялась и в третьем поколении. Присутствие в одной и той же части или в одном officium свойственников позволяло думать, что в армии завязывались эндогенные социальные связи (с. 300, 304). Стоит отметить и интересный вывод о том, что сыновей бенефициариев (за исключением преторианских) больше привлекала служба в провинциальной администрации, а не получение командного поста, которое неизбежно влекло за собой перемещение в другие провинции. Такое предпочтение, отмечаемое во II–III вв., усиливало корпоративную сплоченность официалов. Принимая со времени Северов все более широкие масштабы, этот феномен после реформ Диоклетиана и Константина вылился в наследственную гражданскую службу.

Важным показателем социальной активности и связей бенефициариев является их участие в муниципальной жизни. Бенефициарии, как и другие военные, при желании и наличии определенной обоюдной выгоды вполне могли совмещать службу в армии с отправлением муниципальных должностей или по крайней мере получать от городских общин разнообразные почести за содействие в защите их интересов и сотрудничество в других делах. Как показывают надписи, многие бенефициарии и члены их семей участвовали в религиозных и других объединениях, существовавших в городах. Выходцы из муниципальной элиты как во время службы, так и по выходе в отставку стремились продемонстрировать землякам свою щедрость и знаки своего успеха, а богам родных мест – свою pietas. В свою очередь, городам были полезны те деловые качества, опыт и связи, которыми обладали отставные военные. Однако, как справедливо подчеркивает автор, в целом не следует переоценивать степень участия и интеграции ветеранов в муниципальную жизнь, равно как и возможности социального возвышения через военную службу. Нельзя забывать, что из привилегированных слоев провинциального общества происходила только часть легионеров и principes (с. 305). Надо также иметь в виду, что участие военных в жизни муниципиев было отнюдь не повсеместным явлением: наиболее распространено оно было в придунайских провинциях (Паннонии, Дакии, Мезии), в меньшей степени – в Аравии и Африке.

При рассмотрении экономического положения и связанного с ним социального имиджа бенефициариев исследовательница обращает внимание на ряд документов и памятников, свидетельствующих об определенной зажиточности этих военнослужащих, и резонно предполагает, что наряду с жалованьем они имели дополнительные доходы, либо получая деньги в обмен на свои услуги, либо за счет своих земельных участков, купленных или полученных по наследству (с. 312). Некоторые бенефициарии располагали столь значительными суммами, что в частном порядке финансировали возведение различных общественных сооружений, а отдельные военнотрудовые обладали состоянием, позволяющим им или их детям вступить во всадническое сословие.

Характеризуя далее своих героев с точки зрения уровня образованности, Нели-Клеман отмечает в частности, что во многих провинциях восточной части империи от них, как и от других officiales, требовалось одновременное знание латыни и греческого, а в некоторых регионах еще и местного языка. Интересные суждения высказывает автор при анализе документов из Дура-Европос, которые показывают своеобразную культурно-лингвистическую среду, где латынь взаимодействовала не только с греческим, но и с сирийским и арамейским языками, на которых продолжали говорить попавшие в армию местные жители (с. 326–329). Но если по знанию языков и общему уровню грамотности бенефициарии несомненно возвышались над обычными солдатами, то реально судить об их начитанности по тем редким стихотворным строчкам, которые встречаются в их надписях, практически невозможно (с. 330).

Судьбе бенефициариев в эпоху домината посвящен эпилог книги (с. 333–339). Реформа Константина по сути дела превратила их, как и их коллег по officia наместников и военных командиров, в простых служащих гражданской администрации, фактически никак не связанных с вооруженными силами. Уже давно наметившийся процесс сведения функций бенефициариев к сбору реквизиций и налогов, получил свое логическое завершение. В эволюции статуса и функций бенефициариев проявился, таким образом, общий процесс разделения военной и гражданской властей, характерный для Поздней империи. По мере же создания новых административных и юридических институтов и в связи с переходом фискальных и прочих обязанностей к местным элитам из числа honestiores бенефициарии и вовсе утратили raison d'être. Так и из источников, и с исторической сцены исчезли те, кто на протяжении веков служил Риму, внося свой вклад в создание его величия.

Подводя итоги отметим, что рассмотренная книга, как, наверное, и любой по-настоящему капитальный труд, актуальна и значима прежде всего в двух отношениях – как исчерпываю-

щее обобщение всех предшествующих изысканий по данной теме с их достижениями и нерешенными проблемами и как плодотворное воплощение творческого замысла, которое демонстрирует интересные перспективные подходы и намечает новые области исследований. Можно надеяться, что работа Нели-Клеман стимулирует аналогичное комплексное изучение других категорий римских солдат и администраторов.

Монография, выполненная во многих отношениях образцово, дает совсем не много поводов для критических замечаний. На некоторые не очень удачные, на наш взгляд, решения и суждения, а также технические погрешности все же стоит указать. Так, возможно, целесообразнее и логичнее было бы выделить в отдельную главу вопрос о религии бенефициариев, которая в той или иной степени рассматривается и в I, и в IV, и в VII главах. Это позволило бы, как представляется, более системно и четко осветить различные аспекты данной темы. Далее. Вполне обоснованно оставаясь на почве надежно документированных фактов и избегая суждений по аналогии или *a priori*, Нели-Клеман все же вольно или невольно заглушает негативные стороны в действиях тех военно-полицейских сил, к которым принадлежали и бенефициарии: создается впечатление, что взаимоотношения провинциального населения и солдат, занятых в администрации, были ближе к состоянию гармонии, чем напряженности и конфликтности. Однако более вероятно, что действия бенефициариев мало чем отличались от поведения других военных, выполнявших аналогичные полицейские функции и вызывавших своими злоупотреблениями ненависть различных слоев населения провинций. Есть в книге опечатки, совсем немногочисленные, но досадные для издания столь высокого уровня. В списке библиографии на с. 446 три работы Эрика Берли указаны под именем Энтони Р. Берли, а на с. 451 в названии статьи I.P. Naunus'a вместо слова *Auxilia* напечатано *Aemilia*. Разумеется, все это ничуть не умаляет тщательности и концептуальной стройности рассмотренного труда, который безусловно займет достойное место в ряду основополагающих работ по истории военной и административной организации Римской империи.

А.В. Махлаюк

НОВЫЕ КНИГИ ПО ИСТОРИИ ПОСТКЛАССИЧЕСКОГО РИМСКОГО ПРАВА

A.M. HONORE. *Law in the Crisis of Empire, 379–455 AD: the Theodosian dynasty and its quaestors*. Oxford: Clarendon Press, 1998. XII, 320 p.

Очередная¹ работа известного английского исследователя Тони Оноре «Право в период кризиса империи, 379–455 гг. н.э.: династия Феодосия Великого и ее квесторы» посвящена проблемам интерпретации постклассических императорских конституций, включенных в Кодексы Феодосия и Юстиниана. Монография, несомненно, отстает от принятых для написания подобного рода работ канонов – как по методам исследования, так и по структуре организации материала.

В первую очередь следует отметить, что основной задачей автора является идентификация подлинных авторов текстов императорских конституций, включенных в Кодексы, а также в Новеллы Феодосия II и Валентиниана III. Основными редакторами подобных текстов Оноре считает императорских квесторов и, анализируя язык конституций, пытается выделить серии текстов, которые можно приписать авторству одного лица, а затем стремится идентифицировать этого редактора с конкретной исторической личностью Поздней империи. В данном случае Оноре использует метод исследования, к которому он уже прибегал в прежних работах² и за который не раз подвергался обоснованной критике³. Создание текста императорской кон-

¹ Автор весьма плодovit и с завидной регулярностью публикует монографии; ср. *Honore T. Gaius*. Oxf., 1964; *idem*. *Tribonian*. L., 1978; *idem*. *Ulpian*. Oxf., 1982; из последних работ следует упомянуть: *idem*. *Emperors and Lawyers*. With a *Palingenesia* of Third-Century Imperial Rescripts 193–305 AD. 2nd ed. Oxf., 1994.

² Ср. *Honore T. The Making of the Theodosian Code // ZSS RA*. 1986. 103. P. 133–222.

³ См. критические замечания, высказанные в работах Дж. Хэррис: *Harries J. The Roman Imperial Quaestor from Constantine to Theodosius II // JRS*. 1988. 78. P. 148–172; *eadem*. *Law and Empire in Late Antiquity*. Cambr., 1999. P. 42–47.